
**«САБЛЯ ДА КНИГА — ЧЕГО ЖЕ ЕЩЕ?»:
РОМАНТИКА РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
1920—1930-Х ГОДОВ**

А.Ю. Овчаренко

Кафедра русского языка
Юридический институт
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье на социально-политическом фоне периода нэпа рассматривается развитие романтической художественной стратегии в русской литературе 1920—1930-х гг.

Ключевые слова: русская литература 1920—1930-х гг., литературный процесс, романтическая художественная стратегия.

Хрестоматийные слова тургеневского Базарова о том, что «сначала место нужно расчистить», стали своеобразным паролем для последующих поколений «новых» людей и повторились в знаменитых строках «Интернационала» о разрушении до основания старого мира. Революционное мировоззрение и революционная идеология основаны на разрушении старого — мира, общества, культуры, языка — пролетарию нечего терять, кроме своих цепей. По мысли Л.Д. Троцкого, пролетариат и после революции оставался неимущим классом. Пафос разрушения в первые годы революции был ярко выражен и в литературе: футуристы, поэты Пролеткульта и напостовцы выступили в одном строю против старой культуры и искусства: прозвучавший еще в 1912 г. призыв футуристов «Бросить Пушкина с парохода современности» превратился в «ветошь веков долой» пролеткультовца В. Кириллова, в «гибель языков» и создание «мирового грядущего языка» Велимира Хлебникова и др. Л.Д. Троцкий считал, что большевики — по-прежнему солдаты на походе, у которых дневка, а главные бои впереди. Русская революция была, по его мнению, лишь прелюдией к «мировому пожару», о котором писал А. Блок в поэме «Двенадцать». Действительно, в 1918—1920 гг. в Европе недолгое время существовали советские республики, из которых самым известными были Баварская, Бременская и Венгерская. Энтузиазм революционного переустройства мира своими руками был очень сильным эстетическим фактором.

Этот «дух» мировой революции еще долго ощущался как в прозе («Завтра» Ю. Либединского, «Владыка мира» Л. Гумилевского и др.), так и в поэзии («романтиков борьбы и походов», сторонников Л.Д. Троцкого, М. Светлова, Э. Багрицкого, Джека Алтаузена, М. Голодного и др.). Перевальский критик С. Пакентрейгер писал о них: «Как люди, как граждане, как поэты они вышли из шторма, духовно родились, формировались и закалялись в годы диктатуры... на гребне Октября увидели горизонты мирового социализма, «ползли на брюхе в грязи» во время отступлений... кровью оплатили завоевание политической власти и ныне оплачивают подчас суровой ценой сохранение своей сущности и возможности ее реализации» [1].

Вплоть до конца нэпа они, как и многие, жили ожиданием войны как очищения и как возрождения былого пафоса, былой романтики и духа боевого товарищества. В стихотворении «Романтическая ночь» (1928) М. Голодный разговаривает с мечтой, она с «раздробленным крылом», «винтовка за плечом». Вместе с ней автор и поэты Э. Багрицкий, Н. Асеев и М. Светлов собираются на новую войну, которая уже бросает на кровать «свою большую тень».

Романтическим идеалом для многих было светлое будущее, Мировая Советская Социалистическая республика (создание которой было закреплено в конституции СССР 1924 г.), однако с отказом от идеи мировой революции (в конституции 1936 г. об этом уже не говорилось) этот романтический идеал смещался в прошлое: идеалом стали романтика революции и гражданской войны, «чувство сотоварищества», о котором писал И. Катаев. Вопрос «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались?» из знаменитой «Каховки» М. Светлова стал своеобразным паролем для посвященных.

Идея мировой революции по своей устремленности к идеалу в будущем была весьма романтична, как первоначально романтичны были и идеалы самой русской революции. Такие идеалы не предполагали заботы о настоящем, об уюте, о быте. Эта безытность и принципиальная неустроенность, нежелание обрастать вещами и комфортом проявилась прежде всего в поэзии «романтики боев и походов». Э. Багрицкий писал: «Степям и дорогам // не кончен счет... Сабля да книга // чего еще?» [2], а В. Маяковскому, чья поэзия совсем другой тональности и другого пафоса, ничего не было нужно, «кроме свежесмытой сорочки».

Истинные революционеры не искали комфорта, правда, речь идет лишь о рядовых, так сказать, подвижниках, если не сказать — фанатиках идеи (Учитель в романе Н. Зарудина «Тридцать ночей на винограднике»). Наиболее яркий пример такого подвижника, фактически мученика, был создан в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». Павка Корчагин стал камертоном, которым проверяли чистоту своих революционных чувств, одним из первых «святых» в советском пантеоне. В образе Павки и подобных ему актуализировались вполне христианские принципы не столько нестяжательства как этического принципа (о котором подавляющее большинство рядовых революционеров и большевиков не имело, скорее всего, никакого представления — атеистическое мировоззрение не позволяло), сколько забвения быта, уюта, комфорта и всей личной жизни ради высшей цели. Действительно, послереволюционного быта не существовало: «кочевое имущество»; жизнь «вместе с людьми большой бесконечной дороги»; уют был на подоконниках, на багажных полках и у костров. Один из героев романа «Тридцать ночей на винограднике» Н. Зарудина, соединяющий две ипостаси: Поджигатель и Учитель, «не носит воротничков, презирает галстуки», он физически слаб («тощая грудь»), но — «хочет поджигать Европу», «истреблять апельсиновые абажуры» [3]. Особенно важны слова Н. Зарудина о том, что у Поджигателя лицо пророка, поэтому автор называет его и Учителем (возможная аллюзия на Л.Д. Троцкого — «чистота нашего поколения, наши молодые годы, традиции нашей армии») [3. С. 37]. Подчеркивая типичность Поджигателя / Учителя для России времен революции и гражданской войны, Н. Зарудин пишет, что характерными

чертами таких людей и всего поколения стали «высокая чистота», отказ от бытового комфорта («грошовое одеяло», «бедные больничные завязки» на белье, дома — «сырые стены, книги и пыль на протоколах нескончаемых заседаний»). Но все это компенсировалось и возмещалось взглядом, «упорным, как лампочка в кабинете захолустного парткома» [3. С. 30].

Как этический принцип безбытность — отказ от уюта, возведенный в принцип жизни, — была частью общей моральной миссии русской интеллигенции в борьбе с мещанством и мещанским бытом. Этот принцип сформировался в российском обществе еще до революции в прозе и статьях А. Чехова, А. Блока, М. Горького, К. Чуковского, Р. Иванова-Разумника и др.

В начале нэпа безбытность стала приобретать черты своеобразного культа, своеобразной революционной аскезы, особенно в революционной романтической парадигме в среде «ровесников века», некоторые из которых долгое время ощущали и считали себя воинами революции. Это была борьба как с буржуазным бытом вообще (отказ от галстуков, косметики, ухода за телом, уюта и других «буржуазных» привычек, например, сборник 1926 г. «Быт и молодежь»), так и борьба с «совмещанством» и «совбурами», с абажурами и канарейками, с косной силой быта (В. Маяковский «О дряни»), а фактически — борьба за сохранение романтизированных идеалов революции. Крайнее выражение это нашло в отказе от традиционных супружеских отношений и от традиционной семьи. Яркий пример — Даша Чумалова из романа «Цемент» Ф. Гладкова. Она говорит своему мужу Глебу: «Ты хочешь, Глеб, чтобы на оконцах кучерявились цветочки, а кровать надувалась пуховыми подушками? Нет, Глеб: зиму я живу в нетопленной каморе (топливный кризис у нас, знай), а обедаю в столовой нарпита. Ты ж видишь, я — свободная советская гражданка» [4].

Обратим внимание, что почти никто из пролетарских писателей разных поколений (А. Серафимович, Ф. Гладков, А. Фадеев, Ю. Либединский, Н. Островский, А. Фадеев и др.) не писал о бытовой стороне жизни своих героев, для полноты характеристики она им была не нужна — только идея, только дух, только стремления — все бесплотно. Отчасти это можно объяснить еще и тем, что многие пролетарские писатели и поэты Пролеткульта прошли то, что принято назвать «суровой жизненной школой», обычного детства и юности в кругу семьи у них не было.

Идеалы революции потерпели драматическое поражение, столкнувшись с буднями нэпа. Виднейший литературный критик 1920-х гг., большевик с дореволюционным стажем А.К. Воронский говорил об отражении этих проблем в литературе, о причинах пессимизма пролетарских писателей в первую очередь: «...слишком крут был переход от героической эпохи гражданской войны и военного коммунизма к годам затишья и органической работы» [5]. «Безгеройность толпы» (Н. Тихонов) времен расцвета нэпа для большинства молодых поэтов была драмой, «крашенное рыжим» (Н. Асеев), а не красным цветом время давило на них.

Поэтическая идеализация гражданской войны существовала до 1927—1929 гг., когда была разгромлена троцкистская оппозиция, Л.Д. Троцкий был вы-

слан из страны, а нэп был свернут. Постепенно романтика гражданской войны после дискуссии и знаменитого диалога Э. Багрицкого и Н. Дементьева («Разговор с комсомольцем Николаем Дементьевым» — «Ответ Эдуарду») стала превращаться в романтику буден. Только это превращение, эта победа над собой была куплена дорогой ценой: «Я песню свою кулаком глушу», — написал Багрицкий вслед за драматичным признанием В. Маяковского о том, что ему пришлось «наступить на горло собственной песне», а затем и вовсе «поставить точку пули в конце». Багрицкий пережил его на четыре года. Молодые комсомольские поэты «Молодой гвардии», «Октября», «Перевала» и поэты Пролеткульта и «Кузницы» (В. Александровский, В. Кириллов, М. Голодный, М. Светлов, А. Жаров, А. Безыменский и мн. др.) искали выход в искусственной (что было реакцией на серость будней) бодрости, в романтизации прошлого, прежде всего гражданской войны в ожидании и надежде на мировую революцию и новую войну (повесть «Завтра» Ю. Либединского) как на возможный способ очищения общества.

Спор о романтике был фактически завершен в год «великого перелома» (1929). Таверны, усатые тигры, норд-осты и контрабандисты ушли из поэтического языка, появилось почти оксюморонное сочетание «романтика буден». Э. Багрицкий, любитель и знаток птиц, буквально сменил «поэтическое оперение»: его новыми героями стали «механики и рыбоводы», поэт стал с ними «одной породы». В стихотворении с программным названием «Герой» (1929) Алексей Сурков призывает отказаться от этой традиционной атрибутики «густой романтики» Э. Багрицкого, — норд-оста, шаланд и контрабандистов во имя романтики «безымянных гвардейцев», «рядовых революции». Об этом же писал и Н. Дементьев, подчеркивая новые задачи романтики и ее новую суть: «По-прежнему об руку с нею идя, // Мотор заводя, города громоздя, // Любимых целуя — мы глаз не слепим // Патетикой кавалерийской степи» [6]. Отношение к романтизму у идеологов литературы было в целом отрицательным. Романтизм мог быть лишь составной, далеко не главной частью, пролетарского реализма. Вообще романтизм и мистика числились по разряду идеализма, с которым велась решительная борьба. Допускалась лишь революционная романтика, да и то во второй половине 1920-х гг. в ходе дискуссии о романтике революции в это понятие были внесены существенные коррективы: свои истоки романтика должна была искать лишь в борьбе, связанной с освобождением. Романтика также должна была быть связана не с абстрактными размышлениями (то, что в советском литературоведении впоследствии обозначалось термином «пассивный» романтизм), а с борьбой партии и пролетариата.

Эпоха литературной консолидации и унификации пришла на смену эпохе литературной пестроты и полифоничности. Романтика стала лишь разрешенной стилевой тенденцией социалистического реализма: считалось, что романтизм в пролетарской литературе завершен (А. Зонин), а некоторые пролетарские поэты «запутались в романтических карнавалах революции» (П.С. Коган). Позже А. Фадеев в своей знаменитой речи «Долой Шиллера!» на пленуме РАПП (1929) безапелляционно заявил, переводя разговор в политическую плоскость, о том, что реализм и романтика в художественном творчестве это материализм и идеализм, а буду-

щий социалистический реализм в корне враждебен романтике. Окончательный отказ от «старой романтики» и «буржуазного романтизма» был закреплен в ходе I Всесоюзного съезда советских писателей в речи А.А. Жданова: романтизм стал «революционным», а его истоки следовало искать в «героической борьбе партии» и революционной борьбе рабочего класса.

Однако, как это обычно бывает в «живой» литературе, ненависть к мещанству перешла по наследству к поколению «оттепели», к поколению «шестидесятников», романтика боев и походов перевоплотилась в романтику гитары, костра, палатки и дальних странствий: «дым костра создает уют». Именно отцовской саблей, оружием гражданской войны, рубит «буржуйскую» мебель, протестуя против мещанства и накопительства, герой культового фильма «Шумный день» (1960), поставленного по пьесе В. Розова «В поисках радости» (1957), а умереть все мечтают «на той единственной, гражданской» (Б. Окуджава). Неслучайно поэзия 1960-х гг. апеллировала именно к 1920-м годам, как к истокам революционной романтики: «комиссары в пыльных шлемах» Б. Окуджава, включение в текст поэмы «Братская ГЭС» Е. Евтушенко рефрена из знаменитой «Песни коммуны» (1918) В. Князева «Никогда коммунары не будут рабами», отцовская шашка времен гражданской войны как последний аргумент в споре с мещанством и накопительством, так и к «старой» романтике, которая, в свою очередь, была, как и русский романтизм XIX в., ориентирована на западные образцы, только теперь к традиционным: написанная П. Коганом в 1937 г. песня «Бригантина» буквально обрела второе рождение, а к «морям и кораллам» (Н. Матвеева), добавились еще и портреты «старика Хэма» (Э. Хемингуэя) в грубом свитере и Че Гевары в легендарном берете. На новом этапе романтическая художественная стратегия возрождалась в старых формах: идеализация прошлого, гражданской войны и ее романтики и в создании идеального будущего: «Мир Полудня» А. и Б. Стругацких и единый коммунистический мир И. Ефремова.

Романтическое видение мира, воплощенное в романтические художественные стратегии, невозможно запретить декретами, они будут и в жизни, и в литературе всегда. Русская романтическая поэзия 1920—1930-х гг., осмысление которой вне идеологических рамок начинается, должна занять достойное место в истории русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Пакентрейгер С.* Александр Безыменский // Красная новь. — 1925. — № 8. — С. 247.
- [2] *Багрицкий Э.* Разговор с комсомольцем Николаем Дементьевым // Багрицкий Э. Юго-запад. — М.; Л.: ЗиФ, 1928. — С. 86.
- [3] *Зарудин Н.* Тридцать ночей на винограднике // Зарудин Н. Путь в страну смысла. — М.: Худ. лит-ра, 1983. — С. 25.
- [4] *Гладков Ф.* Цемент // Красная новь. — 1926. — № 1. — С. 87.
- [5] *Воронский А.* Об отошедшем // Красная новь. — 1926. — № 1. — С. 234.
- [6] *Дементьев Н.* Ответ Эдуарду // Дементьев Н. Шоссе энтузиастов. Стихи 1924—1929 гг. — М.; Л.: ГИЗ, 1930. — С. 32.

LITERATURA

- [1] *Pakentrejger S.* Aleksandr Bezy'menskij // *Krasnaya nov'*. — 1925. — № 8. — S. 247.
[2] *Bagriczkij E.* Razgovor s komsomol'tsem Nikolaem Dement'evy'm // *Bagriczkij E.* Yugo-zapad. — M.; L.: ZiF, 1928. — S. 86.
[3] *Zarudin N.* Tridczat' nochej na vinogranike // *Zarudin N.* Put' v stranu smy'sla. — M.: Xud.lit-ra, 1983. — S. 25.
[4] *Gladkov F.* Czement // *Krasnaya nov'*. — 1925. — № 1. — S. 87.
[5] *Voronskij A.* Ob otoshedshem // *Krasnaya nov'*. — 1926. — № 1. — S. 234.
[8] *Dement'ev N.* Otvet Eduardu // *Dement'ev N.* Shosse e'ntuziastov. Stixi 1924—1929. — M.; L.: GIZ, 1930. — S. 32.

«SABER AND BOOK — WHAT MORE?»: ROMANCE OF THE REVOLUTION IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 1920—1930'S.

A.Yu. Ovtcharenko

Russian Language Department
Institute of Law
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the problem of the development of the romantic artistic strategies in Russian literature of the 1920—1930-ies on the socio-political background of the NEP's period.

Key words: Russian literature of the 1920—1930's, literary process, romantic artistic strategy.